

Жина

и

Трени

История
БЕССМЕРТНОЙ ЛЮБВИ
под «Алыми парусами»

Ведущий нашей новой ежемесячной рубрики — Вячеслав Недошивин. Журналист «Комсомольской правды» (1977–1986), литературовед (кандидат философских наук, автор первой в стране диссертации об антиутопиях — Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл), переводчик (перевел и издал тремя изданиями роман Оруэлла «1984» и сказки «Скотный двор»), кинодокументалист (автор уникального телепроекта — цикла из 100 фильмов о Серебряном веке Москвы и Петербурга «Безымянные дома» и сценариев телефильмов о Д. Давыдове, Ф. Тютчеве, А. Куприне, А. Грине, А. Твардовском).

Член Союза писателей, автор книг о Серебряном веке, биографии Дж. Оруэлла «Неприступная душа».

Р

Ровно 100 лет назад, в 1921 году, в жизни писателя Александра Грина случились сразу три рубежных события. Он поставил точку в самой знаменитой повести «Красные паруса», потом поменял название феерии на романтический заголовок «Алые паруса» и, наконец, в том же году встретил самую большую свою любовь — будущую жену и верную подругу до конца дней — Нину Мионову, которой и посвятил эту великую книгу.

Аресты и строки

Декабрьской ночью 1920 года молодой писатель Михаил Слонимский проснулся, ощутив на шее чьи-то жесткие пальцы. Над собой увидел Грина, соседа по «Дому искусств», пальцы которого сжимались на его горле. Внезапно Грин будто очнулся и, ни слова не говоря, вышел из комнаты.

Было это или не было, в точности неизвестно. Но наутро «Дом искусств» — общежитие для бездомных писателей, где обитали тогда и Гумилев, и Мандельштам, и Ходасевич, — возмущенно

*1 Александр Грин с женой Ниной. Старый Крым. 1926 год.

загудел. На кухнях до хрипоты спорили: хотел ли Грин убить соседа, или разыгрывал сцену будущего романа? Кто-то кричал, что одного писателя он чуть не зарубил топором, что он вообще — бешеный, что в семье его все были с придурью. Шепотом сообщали, что он стрелял в первую жену и убил ее, за что угодил на каторгу. Божились, что «взял» однажды какую-то кассу, целых 11 тысяч, а саму кассу — спалил. Наконец, как страшную тайну передавали: все книги его — украденные рукописи какого-то английского капитана, которого он также укокошил, а сундучок — присвоил.

ПОЧТИ ВСЕ, О ЧЕМ СУДАЧИЛИ НА КУХНЯХ, БЫЛО ПРАВДОЙ. ГРИНА АРЕСТОВЫВАЛИ ПЯТЬ РАЗ, ПРИГОВАРИВАЛИ КАК ЭСЕРА-БОЕВИКА К ССЫЛКАМ, И ЗА ТОПОР ОН ХВАТАЛСЯ, И В ЖЕНЩИНУ СТРЕЛЯЛ...

Но самое удивительное: почти все, о чем судачили на кухнях, было правдой. Грин и впрямь был из семьи, где два дяди его были сумасшедшими, а отец и даже мать перед смертью — пили горькую. Его действительно арестовывали, причем — пять раз, приговаривали как эсера-боевика к ссылкам, а однажды — даже к каторге. И за топор он хватался, это правда, и в женщину стрелял. Все было правдой. Кроме «взятой» кассы да английского капитана.

Но, главное, не было ни строки, украденной им.

Все свои книги он написал сам, да к тому же все созданное, все по ровному счету 350 произведений его, он, в отличие, кстати, от обитателей «Дома искусств», как-то «ухитрился» напечатать при жизни. Даже «Автобиографическую повесть», сигнальные экземпляры которой ему прислали за неделю до смерти. Ту повесть, которую хотел назвать «Легенды о себе» и про которую сказал: «Обо мне так много рассказывали небылиц, что не поверят написанной истине...»

Зерно в душу

Впервые его арестовали на Графской пристани Севастополя. Это было 11 ноября 1903 года. Он возвращался с митинга, где агитировал матросов. «Никогда не забыть мне режущий звук ключа тюремных ворот», — напишет. А про него в «Дело» занесут: «Натура замкнутая, озлобленная, способная на все». Арест окажется громким. Сам Куропаткин, военный министр, будет доносить министру внутренних дел Плеве (его эсеры все-таки убьют через полгода), что ими задержан «весьма важный деятель из гражданских лиц, назвавший себя сперва Григорьевым, а затем Гриневским». Дело окажется серьезным, Грину светили 20 лет каторги, а если бы в Севастополе хоть на месяц ввели военное положение, чего добивался вице-адмирал Чухнин, его ждала бы виселица. Грин просидит два года, пока его не освободит революция 1905 года.

Его еще будут арестовывать и не раз. За листовки, за жизнь под чужими именами. Пока видный эсер Наум Быховский не прочел как-то довольно «кудрявую» листовку, написанную им.

°2

А.С. Гриневский.
3 августа 1910 года.
Снимки будущего писателя Александра Грина сделаны в Петербургском охранном отделении.

°3

Нина Николаевна Грин, в девичестве Миронова.

Он, запомнил Грин, поднял глаза и вдруг сказал: «А знаешь, мне кажется, из тебя мог бы выйти писатель». «Это, — признается, — было как откровение, как первая, шквалом налетевшая любовь. Я затрепетал. Зерно пало в мою душу... Я нашел свое место в жизни».

Это «место» он, тычась, как в тумане, искал с детства. С той, может, минуты, когда в пять лет первым прочитанным словом его стало слово «море», а первой книгой — «Путешествие Гулливера». Путешествие, море — бредил, улетаая взглядом в окно. А за окном была насквозь сухопутная Вятка, где он проживет до 16 лет.

От Вятки до Лисса

Одесса, Баку, Севастополь, Симбирск. Его мотало, дергало, срывало, будто его звал кто-то изнутри. Был конторщиком, дровосеком, актером, банщиком, рыбаком, землекопом, писцом. Кинулся вдруг на Урал искать золото. И вновь возвращался в Вятку и врал, врал отцу, что богатый багаж оставил на вокзале, потом, что прибил к разбойникам и ограбил какой-то банк, потом — что намыл кучу золота, да, увы, эту кучу — прокутил.

Отец, пишут, долго и страшно приглядывался к нему и задумчиво качал головой: «Да... Не знаю, что из тебя выйдет...»

Подвыпив, он мог громко, на весь зал, комментировать пьесу в театре, мог, расплатившись за поездку копейками, достать вдруг рубль и, повертев его под носом у кучера, зашвырнуть его в кусты: уж очень хотелось, как объяснял, «послушать, как ругается извозчик». Не стеснялся в писательских гостях, как последний алкоголик, допивать на кухнях остатки вина из бутылок. Наконец, любил деньги. По просьбе того же Быховского, написал как-то некролог о казненной революционерке Лидии Стуре, которую знал лично и которая станет героиней «Рассказа о семи повешенных» Леонида Андреева. Быховский рыдал, читая его текст. Но, когда прочел, услышал:

«А теперь — гонорар!..» «Это за статью о казненном товарище?!» — взорвался Быховский. Грин двинулся было к двери, но, встав у порога, обернулся: «Ну, дай хоть пятерку!»

Не без горечи будет каяться потом: «Я довался до жизни, накопив алчность к ней в годной, бродяжьей, сжатой юности, тюрьме. Жадно хватал и поглощал ее. Не мог насытиться. Тратил и жег себя со всех концов. Я все прощал себе. Глаза горели на соблазны жизни. А рестораны, вино, легкомысленные женщины — было ближайшее к моим жадным рукам. Это время — эпоха в моей жизни».

Но именно в те годы под его пером и рождались выдуманные города Гель-Гью и Лисс, которые населяли странные люди с дикими для русского уха именами: Астарот, Валу, Гнор, Режи. И мало кто верил, что истории эти, похожие на сны, написал тот, кого звали «заядым пессимистом», «человеком, не умеющим улыбаться», «живым анахронизмом» и даже совсем уж зло — «дрессировщиком тараканов».

В грязном солдатском мешке он привез в Петроград рукопись, может, самой чистой своей книги «Алые паруса». О честных, добрых людях и о поисках простого человеческого счастья.

Сам Горький, говорят, плакал над повестью и перечитывал гостям сцену встречи Грэя и Ассольи.

Единственный раз в жизни расплатится и молчит с лицом будто «смятый рубль», бесприютный бродяга, «мустанг», как звали его за выносливость. Тихо заплачет, дав рыдания. Только, чтоб не заметила она.

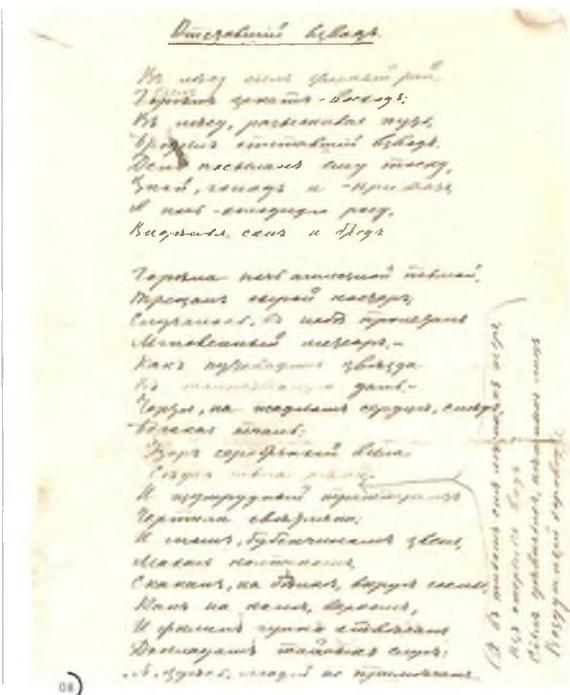
Она — это Нина Миронова. Тогда — просто Ниночка.

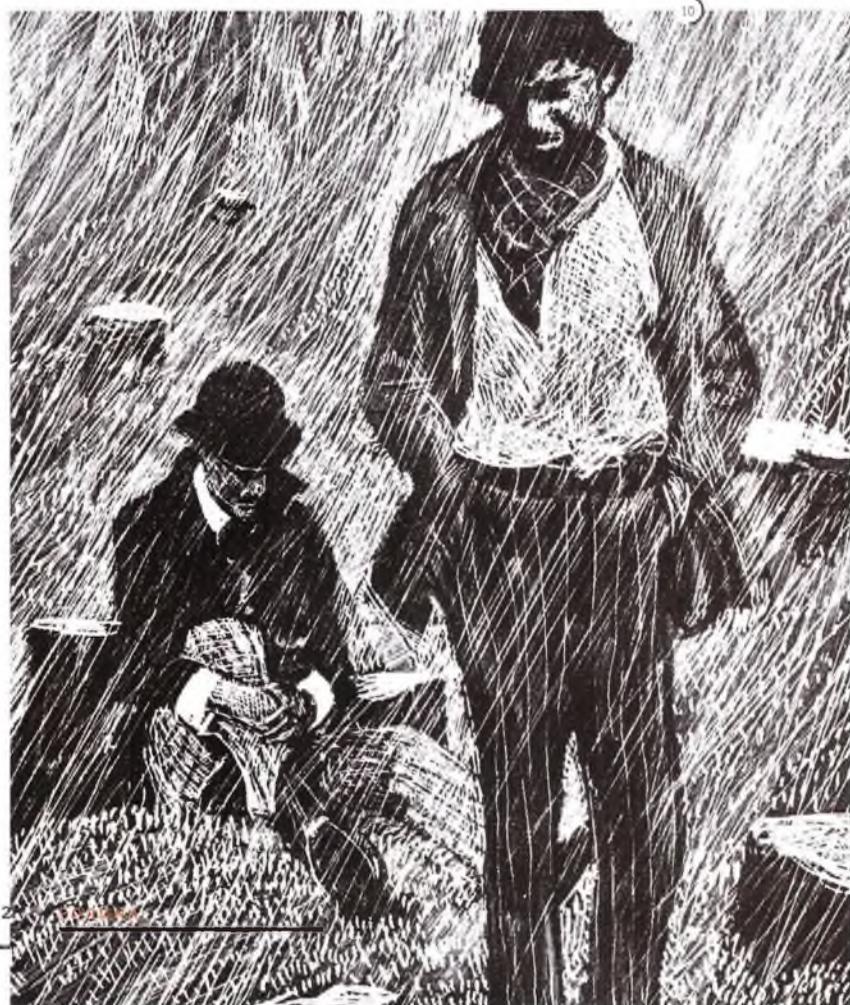
°4
А. Грин. Заслуга рядового Пантелеева. Первая напечатанная книга писателя. 1906 год.

°5
С. Бродский. Иллюстрация к произведениям А. Грина.

ОН НЕ РАЗРЕШАЛ УБИРАТЬСЯ В ЕГО КОМНАТЕ. И ТОГДА НИНА, ВСТАВ В 4 УТРА, ШЛА В ПУСТОЙ КАБИНЕТ, МЫЛА ПОЛ ДО БЛЕСКА. А ПОТОМ ВНОВЬ РАЗБРАСЫВАЛА ОКУРКИ, ЧТОБЫ ОН НЕ ЗАМЕТИЛ ЕЕ ТРУДА

Слезы хулигана

Он встретил ее в 1918-м. Встреча была мимолетной. И лишь в 21-м, в январском Петрограде, они вновь столкнулись на Невском. Он потом скажет ей: «Я долго тосковал по любви, искал ее, обманывался и снова искал...»

Она была в дырявых ботах, ей, когда-то золотой медалистке, курсистке, а ныне медсестре сыпно-тифозного барака, только что отказали в райсовете в ордере на выдачу хоть какой-нибудь крепкой обуви. Но встрече обрадовалась: помнила — этот человек, похожий в черном узком пальто на католического пастора, со смешным, «извилистым», как ей показалось, носом, три года назад написал ей стих: «И вы, дорогая, являетесь мне, как солнечный зайчик на темной стене». Он же почти сразу сказал: «Я не хочу, чтобы вы снова пропали», дал адрес «Дома искусств», а, когда нехотя простался, уприсил: «Не починитесь, зайдите ко мне в свободную минуту».

Она зашла и раз, и два. Но когда в третий раз забежала к нему, он, выдавший «виды» мужик, знавший и презрительно звавший женщин «розовыми хищницами», вдруг быстро чмокнул ее в щеку и, не сказав ни слова, будто колючий вятский мальчик — грустно убежал...

5 марта 1921 года он предложил ей стать его женой. Свои чувства к нему она уложит в тот день в одну прохладную фразу: «Не было противно думать о нем...» А уже 24 сентября, при первом расставании, напишет: «Сашечка! Милый... Если я заболела и умру — при нехорошем сердце это бывает, — помни, голубчик, что я любила тебя так, как только может любить человеческое сердце, и чувствовала всегда твою нежную ласковую любовь... Целую тебя... Не смейся — я от любви пишу».

Вот между этими датами и случилось то, что должно было случиться: она впервые осталась у него. Тогда он и разрыдался, глухо, про себя.

«Он, — напишет Нина, — не однажды вспоминал ту минуту, когда я, лежа рядом, стала обертывать и закрывать его одеялом с той стороны, которая была не рядом со мной...» Еще бы — не вспоминал! Ведь кроме матери в далеком детстве, никто, ни одна душа в мире, ни разу не укрывала его так. Он забыл, если вообще знал, что такое нежность! «Бог мой, — скрипел зубами, отвернувшись к стене, — дай мне сил сберечь ее». Именно ту ночь они и отмечали потом, как годовщину, все одиннадцать отпущенных им лет.

Любовь и окурки

Она, 26-летняя женщина, примет его безоговорочно. С его упрямством и нелюдимостью (он говорил, что «всякий посторонний ему, как царापина»). С приверженностью старому календарю и орфографии (он до конца жизни писал с «ятями»). С его церемонностью и неприятием женских платьев выше колен (короткие юбки, считал, делают женщин «псевдодевочками», в то время как главная прелесть женщины как раз в том, что она — не девочка). С верой в рукопожатие (он уверял, что даже наигранно искренняя рука все равно выдаст себя), с сантиментами его, когда он клал ей голову на плечо (он называл этот жест «погрустить лошадкой») и даже с татуировкой на груди (его «Саргассовым морем» — банальным, конечно, кораблем и волнами).

Все полюбит в нем. Но лишь через год, когда отменят «сухой закон», а НЭП откроет свое винное «нутро», узнает: Грин пьет, не может не пить — это наследственное. Сначала приходил навеселе, потом забавно пьяненьким, потом — пьяным.

Пил по-черному и, спасая свою бедную любовь (они ведь начинали жизнь с 2 простынь, 2 подушек и 3 портретов первой жены), вырывая его из вечно хмельных компаний, она хитростью увезет его в Крым, в Феодосию. Пойдет к знакомому врачу-одуванчику и прямо спросит: что делать? Тот скажет: сошлитесь на большое сердце, и приходите вдвоем. А когда они придут, строго скажет Грину: здоровье его жены срочно требует перемены климата. Нужен юг. И Грин, который раньше и слышать о переезде не хотел, сам станет настаивать: «Мы должны срочно переезжать».

Так Нина подарит ему лучшие, «ласковые», как напишет, годы его жизни. А нам невольно — чудные книги, созданные им в Крыму. Он нежно будет звать ее «Китася», хотя она в его произведениях станет и Молли, и Тави Тум, и Джесси, и, конечно же, Дэзи из «Бегущей по волнам». И, спасая его, спасала и себя: «Не встретить я тебя, — напишет, — так бы и прожила всю жизнь Мунейтелуней, полусонно и полусознательно...»

Можно долго рассказывать об этой бедной, трогательной любви, а можно привести только один пример — вот как она разбрасывала окурки. Он, например, не разрешал ей убираться в его комнате. Он вообще не разрешал ей работать. Жалел. А сам, трудясь по ночам, лишь глотал чай да курил. Дым, пепел, брошенные папиросы. И тогда Нина, встав в 4 утра, шла в пустой кабинет его, открывала окна, мыла пол до блеска, а потом, представьте, вновь разбрасывала окурки, лишь бы он не заметил ее труда. Такая вот — любовь!..

° 6-8

Годы и строки.

° 9

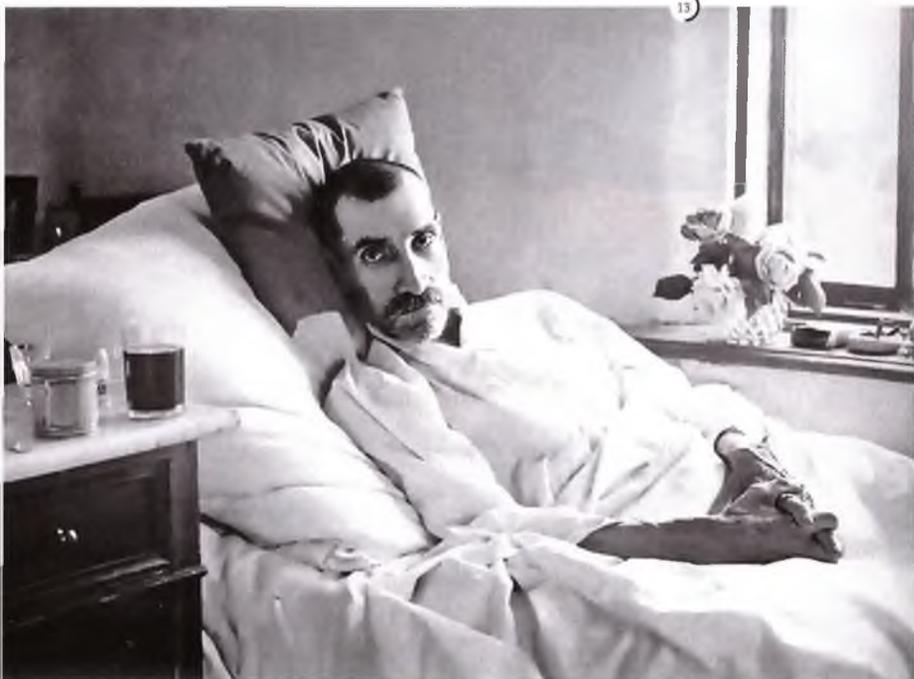
С Ниной в Севастополе. 1923 год.

° 10, 11

С. Бродский.
Иллюстрации
к произведениям
А. Грина.

В НОЧЬ НА 23 ОКТЯБРЯ 1970 ГОДА ПЯТЬ ПОКЛОННИКОВ ГРИНА РАСКОПАЮТ МОГИЛУ НИНЫ И ПЕРЕНЕСУТ ГРОБ С ЕЕ ТЕЛОМ В ОГРАДУ ЕГО МОГИЛЫ. ЛЮБЯЩИЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВМЕСТЕ!

° 12, 13

Дом Александра Грина в Старом Крыму и последняя фотография хозяина. 1932 год.

Чашка «хитреца»

Работал, как вол, но в конце 20-х печатать его, увы, перестали. «Дайте на темы дня», — ругались журналы. А он на «темы дня» не мог, — напишет потом Нина, — только «на темы души...»

«Хитрец, ах, какой хитрец, — шептались писатели за его спиной, когда он приезжал в Москву, — устроился, видите ли, в Крыму, в тепле и сытости, а мы...» Он же гордо молчал: не рассказывать же им, что, когда однажды купил Нине в подарок серебряную чашку с блюдцем и ложкой, она расплакалась — «на эти деньги месяц можно прожить».

Хитрец, конечно, хитрец: в век всеобщего объединения ухитрился ни до, ни после революции не войти ни в одно литературное объединение, ни в одну группу или «Цех». Ни течений, ни направлений. Был независим вот как разве что Цветаева в поэзии, больше и сравнить-то не с кем. И как Цветаева был неповторим. Даже революционным прошлым не торговал. Когда советовали вступить в Общество политкаторжан (это давало преференции!), или выбить пенсию ветерана революции, на что имел права, отвечал: «Не хочу подачек».

Впрочем, причины отказа, возможно, были глубже. Ведь он перед смертью на вопрос священника, примирился ли с врагами, вдруг ответил: «Вы думаете, я не люблю большевиков? Нет, я к ним... равнодушен». «Потрясающий ответ, — скажет мне Алексей Варламов, биограф Грина. — Вдумайтесь. Ведь ни один писатель не мог бы сказать так. Коммунисты тогда вызывали восторг, ненависть, любовь, проклятия, зависть, даже страх, даже подлую лесть. Все, что угодно, но не равнодушие. Но в этом, если хотите — весь Грин».

Да, Грин оказался несозвучным эпохе («идеологический тупик, рабочие этого читать не будут», — убивал его один критик). Да — не писал ни о социализме, ни о капитализме. Но, может, потому и пережил все и всяческие «измы», может, потому и оказался созвучен не им — самой вечности?..

Вот письмо от 1931 года, которое так и не решились опубликовать при Советской власти. «У нас нет ни керосина, ни чая, ни сахара, ни та-

баку, ни масла, ни мяса, — пишет другу за год до смерти. — У нас есть 300 гр. отвратительного мешаного полусырого хлеба, обвислый лук и маленькие горькие, как хина, огурцы с неудавшегося огородика. Ни о какой работе говорить не приходится. Я с трудом волоку по двору ноги...»

Такой вот «хитрец»!

Переписку его в тот год, год голода в Крыму, когда Грины продали даже ризы с домашних икон, читать просто невозможно. «Мне 51 год, — обращается в Союз писателей СССР. — Здоровье вдребезги расшатано. Доедаем последние 50 рублей». Ответа — нет. Просит помощи у знакомых: соберите деньги среди писателей хотя бы по подписному листу. Нет — ответа! Не считать же ответом то, что стало известным лишь недавно, слова Лидии Сейфуллиной, сказанные на правлении Союза писателей: «Грин — наш идеологический враг. Союз не должен помогать таким! Ни одной копейки принципиально!...»

Вернувшись в последний раз из Москвы, Грин лишь выдохнул: «Амба! Больше печатать не будут». И по секрету сказал: его книги тихо изымают из библиотек. До триумфального возвращения его к читателям, до выхода шеститомника в 1965 году, оставалось 34 года. А до признания класси-

ком интеллектуальной прозы XX века — и того больше.

Снова вместе

Он умер 8 июля 1932 года. От скоротечного рака. Гроб его, простой, деревянный (в Крыму не было ни досок, ни гвоздей, и людей хоронили в простынях), Нина обила мелкими выющимися розами, которые он любил больше всего. Писателей на похоронах не было. Шагинян приехали в Крым через два года, посмотреть, где жил он, как умер. И, выйдя из саманного домика, который Нина купила, продав золотые часики, подарок мужа (лишь бы обрадовать своего «Собика», не встававшего уже с постели), Шагинян вдруг разрыдалась. «Мне больно видеть, — сказала Нине, — как бедно жил Грин, даже пол в доме земляной...»

В этом доме Нина откроет музей. Ее жизнь после Грина — и не расскажешь. Оккупация, больная мать, угон в Германию, потом арест на родине и десять лет лагерей, потом — неравная борьба за эту саманную хижину, где 1-й секретарь Старо-Крымского горкома партии устроил сарай для личных коров и кур. Спасая свой скот, он «поднимет» против Нины весь район, даже местные мальчишки, когда она приезжала хлопотать о музее, бегали за ней и кричали: «Фашистка! Шпионка!» «Она шла, не ускоряя шаг, глядя прямо перед собой, — вспоминала свидетельница. — Я выбегала из дома, разгоняла ребят, стыдила их, даже плакала. Один раз, когда я расплакалась, Нина Николаевна сказала: «Ну что ты, девочка, они ведь не виноваты. Их научили»...»

Только в августе 1960-го она откроет музей Грина, хотя официально его «признают» лишь в 71-м — через год после смерти Нины.

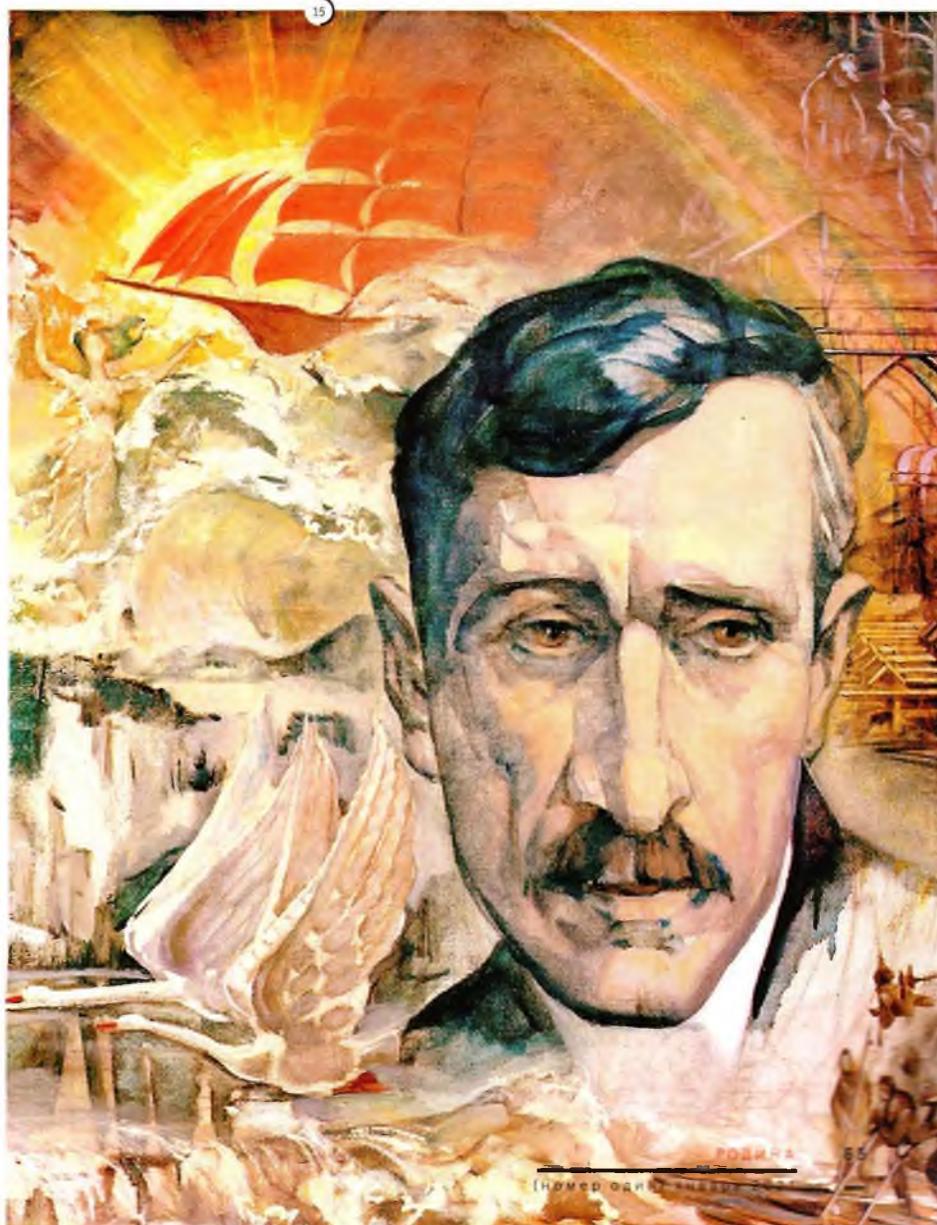
Она завещает похоронить себя рядом с мужем, но ей даже этого не разрешат. Запретит ЦК компартии Украины. Похоронят на том же кладбище, но издевательски — в другом конце его. Но Грин ведь не зря учил верить в чудеса. В ночь на 23 октября 1970 года, в день рождения Нины, пять поклонников Грина, идеалистов, бунтарей, безумцев, да просто — пятеро мужиков с саперными лопатами — раскопают ее могилу и перенесут гроб с ее телом к мужу — в ограду его могилы. Любящие должны быть вместе!

! Февральская публикация «Литературного салона Родины» — о Ларисе Рейснер.

°14
Нина Грин на могиле мужа в Старом Крыму.

°15
«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет Несбывшееся зовет нас...»

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся?..»

Грин всматривается в нас.